

Ценностные ориентиры Макса Вебера в годы Первой мировой войны

Стремление разгадать самобытную масштабную личность ученого, «расколовать» его мир стало импульсом для исследований о М. Вебере в современной России, например в работе А.И. Патрушева¹. Образно исследования о Вебере можно представить в виде айсберга, и только его вершина — это труды о нем на русском языке. Но в этих работах вопрос о деятельности Макса Вебера в годы Первой мировой войны затрагивается лишь в общем виде. Наиболее подробно его отношение к войне рассматривается в главе «Испытание войной» в монографии В. Моммзена «Вебер и немецкая политика 1890–1920 гг.»². Вопрос о приоритетных ценностях Вебера в годы Первой мировой войны был поставлен впервые именно В. Моммзеном.

Американский социолог Льюис Козер писал: «Выбор ученым конкретной проблемы и уровень научного объяснения, к которому он стремится, как утверждает Вебер, зависит от ценностей и интересов исследователя. Выбор проблем исследования всегда является «ценностно-зависимым»³. «Не существует абсолютно “объективного” анализа культурных или социальных явлений, не зависящих от индивидуальных или пристрастных взглядов, в соответствии с которыми они (явления) — явно или скрыто, сознательно или бессознательно — выбираются, анализируются, организуются для их объяснения»⁴.

Семья Вебера была либеральной ориентации, приветствовал либеральные взгляды и Макс. Но в его уже зрелых либеральных взглядах, как отмечает В. Моммзен, национальное превалировало над либеральным. Вебер был очень обеспокоен раздробленностью немецкого либерализма, поэтому в его политической системе ценностей главную роль играли нация, власть, культура⁵, и с этих позиций он критиковал либерализм вильгельмовской Германии и классический либерализм также.

Вебера называют идейным лидером группы «либеральных империалистов»⁶. На такой же платформе стоял и его близкий друг Ф. Науман, который стремился возродить либерализм, поставив под его контроль

рабочее движение через созданный им Национал-социальный союз. Но если для Наумана сильное национальное государство, в первую очередь, — средство для социальных реформ, то для Вебера социальная политика проистекала из национально-политических соображений⁷. Германия должна быть *Machtstaat* (сильной державой) и быть причастной к решению вопросов о будущем мире⁸.

В конце 90-х гг. XIX в. Вебер поддерживал идею создания национальной партии буржуазной свободы, что соответствовало задачам масштабного индустриального развития Германии. Практика подчинения либерализму политики в сфере решения социального вопроса не удалась. К 1905 г. Веберу уже стало ясно, что шансы на самостоятельную и успешную либеральную деятельность в Германии утрачены. «Это трагично и, конечно, символично для фатального положения немецкого либерализма начала XX в., что человек (имеется в виду М. Вебер. — *Н.Р.*) с такими превосходными навыками глубокого политического анализа осознал, что отрекся от активной политической деятельности в Германии»⁹. В свою очередь Фридрих Зелль отмечал: «В личности и судьбе Макса Вебера выражается символическое величие и провал духовного либерализма в Германии около 1900 г., его углубленное понимание, твердая воля к истине и неспособность перевести эти познания в действия»¹⁰.

В 1905 г. была опубликована его «Протестантская этика и дух капитализма», а за ней последовали исследования о развитии политических событий в России — работы «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», более известное по названию «К положению буржуазной демократии в России»¹¹ (*Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland*) и «Переход России к мнимому конституционализму» (*Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus*)¹². Обе работы были опубликованы в «Архиве социальной науки и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*), редактором которого Вебер являлся вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе. В предисловии к собранию сочинений ученого труды о России названы В. Моммзенем «важными свидетельствами развития политического мышления Макса Вебера»¹³. В этих работах он отказывал России в возможности утверждения свободы без разрыва с традицией.

Вебер отдавал себе отчет, насколько сложны были в то время отношения России и Германии. Он писал: «Одинаковую ненависть к нам питают как русская бюрократия со времен Берлинского конгресса, так и русская демократия без различия оттенков, и это настроение будет продолжительным, потому что внешнее могущество Германии должно надолго остаться досадным бюрократическому национализму, а ее территориальные владения — демократическому федерализму»¹⁴. Ценности нации и представления Вебера о Германии как сильной державе прошли испытания в годы Первой мировой войны.

Еще до того как разразилась война, Вебер был к ней идейно подготовлен. Он считал, что Германия обязана вступить в борьбу со странами мощной коалиции за утверждение своего положения в мире в качестве великой державы (*Grossmacht*). Это была, по мнению Вебера, борьба за истинное утверждение государственного существования Германии¹⁵. Но уже в письме к Тоеннису он утверждал: «В случае окончательного благоприятного исхода, я не надеюсь на действительно продолжительный мир для нас»¹⁶. Ученый был убежден, что война лишена смысла, она являлась в первую очередь «кровавым счетом» за предшествующую 25-летнюю внешнюю политику, которая сталкивала равным образом все великие державы.

«Чудо августа 1914 г.» — именно так в немецкой исторической литературе называют эйфорию, охватившую Германию после начала Первой мировой войны¹⁷. Вебер всем сердцем разделял выступившие на передний план национальные настроения исхода лета 1914 г. Когда началась война, Веберу уже было 50 лет, и он давно был выведен из числа военнообязанных, это его огорчало. «Быть может, я наиболее воинствен из твоих сыновей — то, что судьба и переживания этой несмотря на все — великой и замечательной войны оставляют меня здесь в бюро и так жизнь проходит мимо меня... Жизнь и так приносит всегда разное, ради чего ее стоит прожить»¹⁸. «Великая и замечательная» — именно так ученый воспринимал эту войну в 1914 г. Оставаясь в тылу, Вебер занял должность дисциплинарного офицера при резервной лазаретной комиссии, также он с энтузиазмом принимается за устройство резервного лазарета в Гейдельберге. Ему трудно мириться с тем, что он не может быть на фронте, и он трудится в Гейдельберге по 13 часов в сутки.

В конце августа 1914 г. в одном из писем к своей матери Вебер писал: «Вне зависимости от того, каким будет результат, это великая и великолепная (wunderbar) война»¹⁹. Энтузиазм нации, ее готовность к жертвам и осознанное сплочение Вебер ощущал на себе и воспринимал как последнюю сохранившуюся ценность, и в этом смысле он наделял это кровавое событие, предвидя все его конкретные последствия, внутренним смыслом победы. Вебер считал, что немецкий народ прошел испытательный срок и теперь является в действительности великим народом. По поводу самой войны Вебер замечал: «Ибо каким бы ни было ее завершение, эта война велика и замечательна, стоит ее пережить — еще более непосредственно участвовать в ней, но, к сожалению, на поле битвы меня использовать нельзя, как это было бы, если бы она разразилась своевременно, 25 лет тому назад. Все мои братья на фронте или на гарнизонной службе, мой зять пал под Танненбергом»²⁰.

В тылу Вебер трудится из последних сил. Под его управлением в округе Гейдельберга возникает 9 новых лазаретов. Его жена Марианна отмечала, что его дисциплинарная власть распространялась на 40 лазаретов административного округа. Однообразие его работы состояло в том, что он страдал, возлагая на людей дисциплинарные взыскания, но верность его своему долгу удивительна²¹. Он отработал на этом посту в качестве организатора и дисциплинарного офицера в административном округе Гейдельберга чуть больше года и ушел в отставку с убеждением, что проверку на то, что немцы — великий культурный народ, «мы выдержали: люди, которые привыкли жить в условиях рафинированной культуры и способны перенести все тяготы войны (что для негра из Сенегала не было бы большим достижением), которые затем, несмотря на это, возвращаются такими же в корне порядочными, как подавляющее большинство наших людей, — это подлинная человечность, и это нельзя игнорировать при всей назойливой безрадостной деятельности. Это переживание останется, каким бы ни был исход»²².

Перед началом войны взгляды Вебера на возможную победу были довольно скептическими. «Когда Англия примкнула к врагу, — отмечала Марианна Вебер, — Макс Вебер очень серьезно оценивал положение Германии, но когда знамена стали развиваться над Намюром и Льежем, благополучный исход казался ему все-таки возможным»²³. В середине апреля 1915 г. он писал жене: «Я выступаю как пораженец». Это не

случайно, Вебер уже ясно видел экономические трудности и прежде всего неудачи немцев в продвижении к демократии и, безусловно, неудачную дипломатию Германии.

Многим Вебер представлялся пессимистом, ибо он хотел с самого начала воспринимать войну только как оборонительную и по возможности скорее завершить ее. Воодушевляющие победы никогда не затуманивали ему видение грозящей проблемы: он четко понимал, что время работает не «за», а «против» Германии. Шансы на заключение выгодного для Германии мира казались ему благоприятными. Поэтому выстраданное им национальное чувство всегда вело его к вере, что каким-нибудь образом все будет хорошо²⁴. Уже в октябре 1915 г. он писал: «Сотни тысяч истекают кровью вследствие ужасающей неспособности нашей дипломатии — это, к сожалению, отрицать нельзя, и поэтому я даже в случае окончательного хорошего исхода не надеюсь на длительное достижение мира»²⁵.

Когда в мае 1915 г. в результате сражения под Горлицей линия фронта передвинулась еще дальше на Восток, Вебер не скрывал своего удовлетворения и писал в письме к Мине Тоблер: «Приблизят ли эти замечательные успехи на Востоке мир? <...> Надеюсь, что и дальше все пойдет так, однако следует ли доверять этим невероятным достижениям»²⁶.

После вступления в войну на стороне Антанты прежней участницы Тройственного союза — Италии, последняя стала бороться с Австрией. Вебер был вне себя из-за разрыва Австрии с Италией: по его мнению, этого необходимо было избежать посредством своевременных уступок.

Позднее ученый склонялся одновременно к героическому оптимизму и боролся с приступами скепсиса в своем окружении²⁷. Он говорил теперь только о таком мире, который обеспечил бы честь и безопасность немецкого народа. В середине августа 1915 г. Вебер писал опять-таки Мине Тоблер, что никто не может знать, как эта война закончится, так как все возможно: «Я никогда не переоценивал наши успехи, и я сейчас не могу разделить впечатления швейцарской прессы. Все хорошо, но если только война будет длиться долго, до того момента, когда противники осознают ее безнадежность»²⁸.

В августе 1916 г., после вступления в войну Румынии, Вебер стал говорить о начавшемся повороте в ходе войны и вполне серьезно

оценивал новую ситуацию так: «...я верю сегодня, как и прежде, что мы с честью выйдем из этого дела»²⁹.

Противоречивость этих высказываний очевидна. И то, что заключение мира, было еще более отдаленным, глубоко его угнетало, и он уже не питал определенных иллюзий по поводу долговременного деструктивного воздействия войны на внутренние и прежде всего на экономические отношения Германии³⁰. Все это ввергало Вебера в депрессию, и он с большим трудом заставлял себя из нее выходить.

В августе 1917 г. Вебер обозначил эту двойственность характерным образом в письме к Мине Тоблер: «Теперь я смотрю в будущее с оптимизмом. Если мы разумны и не верим в то, что мир может воцариться, то мы приходим к милитаризму. Но все было бы хорошо, если бы шло к концу, так как это действительно лучшие, которые погибли»³¹. Вебер пользовался всяким поводом выступить против страстных наивных стремлений к установлению мира, которые были присущи как представителям правительственных кругов, так и лагерю военных и пангерманцев, и они все сильнее возрастали. Также Вебер понимал, что продолжение войны давало индустриальное превосходство Америке, и это толкало его к действиям по ее скорейшему завершению.

Вебер резко отклонял мнение, что при правильной и умеренной политике Германия могла бы миновать мировой войны. Он был убежден, что «мы должны быть великой державой и должны, чтобы иметь возможность обсуждать решение о будущем земли, вступить в эту войну. Ответственность перед историей молила о том, чтобы противодействовать разделению мира между «англосаксонской конвенцией» и «русской бюрократией». Поэтому собственно задачу политики Германии в этой войне Вебер видел в том, чтобы создать предпосылки для будущей германской мировой политики (Weltpolitik)³². Он понимал это как получение максимума возможностей для политики союзов в будущем при обеспечении военной безопасности, и считал это целью немецкого мира, а безбрежные аннексии на Западе и Востоке должны при этом нивелировать остроту эльзас-лотарингского вопроса, который постоянно возбуждал ненависть Франции к политике Германии.

Страшной бедой Вебер считал торпедирование «Лузитании», ибо большая нейтральная нация может допустить уничтожение материальных благ, но не ее граждан³³. В феврале 1916 г. усилилась опасность

разрыва отношений с США из-за применения подводных лодок, и Вебер выступил за урегулирование отношений с Америкой «любой ценой — любой»³⁴. Он задается вопросом: Какой смысл может быть еще в нашей работе, если этот разрыв произойдет? Он означает еще два года войны. Упадок нашей экономики. Какое значение имеет тогда срединная Европа?»³⁵ Опасность вступления в войну США переживалась им очень остро, в этих условиях он назвал правительство Германии «бандой безумцев» и резюмировал: «Если произойдет разрыв с Америкой, война проиграна»³⁶. Вебер энергично этому противодействовал, поддержал канцлера Германской империи Бетман-Гольвега в борьбе с адмиралом Тирпицем, который был отправлен вскоре в отставку. Но когда 1 февраля 1917 г. подводная война стала реальностью, то из-за соображений политической дисциплины он встал на сторону правительства³⁷.

Вопрос об аннексиях — один из важнейших в ходе Первой мировой войны. Вебер не был принципиальным противником аннексий. Он придерживался той точки зрения, что безопасность притязаний Германии на власть в Центральной Европе с помощью методов непрямого господства над соседними малыми нациями допустима, и транслировал это в окружении канцлера Бетман-Гольвега. Но после вступления в войну Италии в мае 1915 г. Вебер стал более чем настороженно относиться к чрезмерной аннексионистской программе Германии³⁸. Он полагал, что как только представится возможность мира на основе status quo, без потерь, но и без расширения владений, ею надлежит немедленно воспользоваться. Ибо при превосходстве врагов время, по мнению Вебера, работало не на Германию, а против нее... Война грозила превратиться с годами в повседневность и стать во всех отношениях сатанинской³⁹.

Известно, что позже он написал докладную записку парламентариям и правительству, где осуждал аннексии, но так и оставил ее в письменном столе. В. Момзен ссылается также на письмо Вебера в редакцию «Франкфуртской газеты», подчеркивая, что в нем содержалось противодействие аннексиям⁴⁰. Ученый писал: «Я против всякой аннексии, также и на Востоке. Если бы это было осуществимо в военном отношении, я был бы скорее за создание польского, малороссийского, литовского, латвийского автономных государств с правом для

нас строить к северу от Варшавы крепости и занимать их, для Австрии тоже самое к югу от Варшавы <...>. На Западе — военная оккупация. <...> в Европе больше ничего. Следовательно, только военное необходимое, никаких аннексий»⁴¹.

Вебер ясно видел две возможности для Германии на международной арене: либо проводить мировую политику на основе заключения союзов, либо европейскую политику экспансии, которая объединит против нее все мировые державы. Колониальная политика прежде всего предполагала договоренность с Англией, которая исключалась аннексиями западных областей. Он прекрасно понимал, что это усилило бы угрозу со стороны России, и она при любом конфликте обрела бы в качестве союзника не только Францию, но и Англию. «Интересам Германии противоречит вынужденный мир, главным результатом которого стало бы положение, чтобы каблук немецкого сапога в Европе стоял бы на пальцах ноги каждого участника войны»⁴². Вебер, как мог, противодействовал аннексиям посредством воздействия на доступные ему круги, например через Общество 1914 г., которое являлось своеобразным политическим клубом Берлина.

Живейшим образом интересовала Вебера проблема захвата русской Польши. С одной стороны, защита восточной границы Германии от давления России представлялась Веберу важной национальной задачей. Он следил за прусской политикой в Польше и подвергал ее критике. Вебер теперь размышлял, будет ли освобожденное от связи с Россией Польское государство союзником Центральных держав, сможет ли польская промышленность существовать вне связи с русской, и что этому новому государству не отдадут Познань и Западную Галицию. Сначала на этой территории, чтобы завоевать дружбу поляков, Германия восстанавливала опустошенные земли, был открыт Варшавский университет с преподаванием на польском языке. В декабре 1915 г. Вебер публикует две политические статьи, в которых он, исходя из анализа внешней политики Бисмарка, делает выводы по бельгийской и польской проблемам⁴³.

Суть польской проблемы, по Веберу, — восстановление государственной независимости Польши. Это потребует полной переориентации всей польской политики, считал ученый, а защита от России — вопрос жизненной важности и для Польши, и для Германии.

Прусская политика по отношению к присоединенным польским областям должна, по его мнению, быть иной, т.е. необходимо достигнуть понимания с прусской Польшей. Но в Пруссии еще были далеки от такого понимания. Обсуждая этот вопрос с Ф. Науманом, он быстро понял, что вряд ли правительственные учреждения обратятся к нему для разъяснения этого вопроса. Науман придерживался идеи «Срединной Европы». Вебер считал этот план проблематичным⁴⁴.

Вебер добивался права выехать в Польшу, вести там переговоры и получить доступ к служебным материалам. Ничего не удалось, и он восклицал, что будет заниматься польским вопросом только ради Наумана. Правительство провозгласило Польское королевство осенью 1916 г. слишком рано, желая получить для борьбы с Россией добровольцев. Но вербовка прошла вяло. Вебера не допускали внутрь правительственных кругов, поэтому влиять на решение польского вопроса он не мог. Он страдал и мучился от своей политической неприменимости. Пацифизм также не стал его выбором. Хотя Вебер стал присматриваться к действиям пацифистки настроенной молодежи.

Заслуживают внимания размышления Вебера об историческом смысле войны. Видя причину войны в движении Германии к статусу могущественного государства, он полагал, что Германия делала это не из тщеславия, а вследствие ее ответственности перед историей. Главного врага Германии в фокусе этой идеи он видел в России и считал, что развитие на Востоке ведет к мировым решениям, тогда как столкновение на Западе – безделица⁴⁵. Представляется, что не последнюю роль сыграло его убеждение в невозможности укоренения в России свободы без разрыва с традицией, о чем он писал в своих работах о России⁴⁶.

Что касается научной работы Вебера в годы войны, то это было практически потерянное время. Пребывая в постоянном политическом возбуждении, он был не способен концентрироваться на ней. Однако с 1915 г. ученый старался хотя бы час в день посвящать подготовке к печати своих религиозно-социологических сочинений. Итог этого — публикация работы «Хозяйственная этика мировых религий».

Военная катастрофа стала для Германии неизбежной, и далее Вебер углубился в политическое осмысление произошедшего, что нашло выражение в его активном участии в создании Веймарской республики. Однако те ценностные ориентиры, которые были для Вебера

значимыми накануне войны — нация, власть, культура — сохранили свою актуальность и в условиях вооруженного конфликта.

Примечания

1. *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.
2. См.: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen, 1974.
3. *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 73.
4. Цит. по: *Козер Л.А.* Указ. соч. С. 73.
5. *Mommsen W.* Op. cit. S. 90–96, 132–133.
6. *Патрушев А.И.* Пути и драмы немецкого либерализма // Либерализм Запада. М., 1995. С. 87.
7. *Mommsen W.* Op. cit. S. 136–137.
8. Ibid. S. 69.
9. Ibid. S. 140.
10. *Sell F.* Die Tragädie des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1953. S. 310.
11. *Weber M.* Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Bd 10. Abteilung I. Tübingen, 1989. Русский перевод: *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев, 1906.
12. *Weber M.* Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen, 1989.
13. *Mommsen W.* Vorwort // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. Abteilung I. Tübingen, 1989- S. VII.
14. *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. С. 9.
15. *Mommsen W.* Op. cit. S. 206.
16. Ibid.
17. См. об этом: *Дани О.* Нации и национализм. СПб., 2003.
18. Цит. по: *Вебер Марианна.* Жизнь и творчество Макса Вебера. С. 433.
19. Цит по: *Mommsen W.* Op. cit. S. 207.
20. *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 435.
21. Там же.

22. Там же. С. 436.
23. Там же. С. 435.
24. *Motmsen W.* Op. cit. S. 207.
25. Цит. по: *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 439.
26. Там же.
27. *Motmsen W.* Op. cit. S. 207.
28. *Ibid.* S. 207.
29. *Вебер Марианна.* Указ. соч. 435.
30. *Motmsen W.* Op. cit. S. 208.
31. *Ibid.*
32. *Ibid.* S. 209–210.
33. *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 435.
34. Там же. С. 459.
35. Там же. С. 461.
36. Там же.
37. Там же. С. 475.
38. См. об этом: *Motmsen W.* Op. cit. S. 219.
39. *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 453.
40. *Motmsen W.* Op. cit. S. 219.
41. Цит по: *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 457–458.
42. Там же. С. 454.
43. См. *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии. *Он же.* Избирательное право и демократия в Германии // Вебер М. Политические работы. М., 2003.
44. *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 454–455; см. также: *Motmsen W.* Op. cit. S. 229–246.
45. *Вебер Марианна.* Указ. соч. С. 476–477; см. также : *Motmsen W.* Op. cit. S. 221. und Anhang II.
46. См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Традиции индивидуальной свободы в восприятии Вебером России // www.perspectivia.net